

С. В. КОЧ

ДИАСПОРЫ В МИГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ ЕВРОПЫ

Рассматривается взаимодействие процессов миграции и формирования диаспор в Европе, а также процесс реструктуризации диаспор из изолированных этнокультурных систем в сетевые многомерные трансформирующиеся структуры, способные выполнять социальные, экономические и политические функции действующих субъектов политического процесса.

Ключевые слова: диаспора, миграция, меньшинства, социальные сети, национальная идентичность, этническая идентичность, адаптация.

Розглядається взаємодія процесів міграції та формування діаспор в Європі, а також процес реструктуризації діаспор з ізольованих етнокультурних систем в мережеві багатовимірні структури, що трансформуються та здатні виконувати соціальні, економічні та політичні функції діючих суб'єктів політичного процесу.

Ключові слова: діаспора, міграція, меншини, соціальні мережі, національна ідентичність, етнічна ідентичність, адаптація.

In the article is examined the interaction of migration and the formation of diasporas in Europe. There is considered the process of restructuring diasporas from the isolated ethnocultural systems to the network multidimensional transforming structures, which are able to fulfill the social, economic and political functions of the current subject of the political process.

Key words: diaspora, migration, minorities, social networks, national identity, ethnic identity, adaptation.

Проблема социально-политической активности диаспор, образованных в результате экономического развития и геополитических трансформаций, является объектом внимания огромного круга исследователей. Круг изучаемых вопросов широк: это проблемы формирования и функционирования диаспор в современных условиях (Р. Брубейкер, В. Мукомеля, В. Попкова, В. Тишков); это вопросы значимости этнической составляющей для поддержания жизненной стратегии диаспор (Б. Андерсон, Ф. Барт, Е. Геллнер, В. Козлов, Ю. Семенов); это проблемы, связанные с коммуникационной ролью диаспор в межцивилизационном (Н. Гумилев, А. Тойнби, С. Хантингтон и др.) и межнациональном диалоге современного мира (Т. Стефаненко, З. Сикевич); это исследования транскультурных и трансграничных аспектов функционирования диаспор (А. Ашкенази, Г. Шеффер, Дж. Клиффорд и др.); это исследования политических аспектов жизнедеятельности диаспор (Т. Полоскова, В. Попков, В. Тишков).

Несмотря на значительную историографию, имеющаяся литература не охватывает все процессы вокруг интенсивно развивающегося социально-культурного феномена – диаспоры, которая все чаще выступает в качестве активного действующего субъекта политического процесса.

Исходя из понимания миграции как социального процесса, который отражает уровень общественного развития, демонстрирует социальный и культурный потенциал контактирующих обществ, выступает формой человеческой деятельности, можно рассматривать их как фактор формирования социокультурного и геополитического пространства.

Главная цель миграций и социальных событий, которые происходили в результате перемещения, – в повышении степени групповой защищенности, увеличении потенциала общества. В литературе аргументировалось, что межкуль-

турные контакты ведут к формированию сообществ высокого порядка, усложняют социально-экономические и политические структуры общества¹. Анализ миграции в рамках политической антропологии демонстрирует, что, уничтожая обособленность, миграции ведут к социально-политической конкуренции групп с различными механизмами социального регулирования, различной природой и системой власти².

Позитивистский подход исходил из факта, что основным участником международных отношений является государство, которое контролирует и формирует миграционный поток, исходя из потребностей. Подобная политика позволяла надеяться, что степень лояльности мигрантов к «родине предков» будет ниже, чем к власти принимающего государства³. Адаптационные возможности мигрантов рассматривали с точки зрения индивидуальных качеств, а влияние референтных групп, кругов общения не оценивались.

Практически все диаспоры XX в. обладали чертами диаспор «катаклизмы» (термин Р. Брубейкера), появлялись в результате социальных трансформаций: 1) образованы вследствие гуманитарной катастрофы (депортации, этнического или конфессионального геноцида); 2) в качестве объединяющего признака выступали: территория исхода, конфессия или этничность, история; 3) диаспора рассматривается как неестественное состояние; 4) подобными чертами обладают диаспоры, которые образуют «возвращенцы». Примером позитивистского подхода в управлении миграциями являются программы, обращенные к соотечественникам в России, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польше и др.

Построение формальных моделей миграционных процессов («модель гравитации», «концепция наименьших усилий») исходило из существования двух неравноправных участников миграционного процесса: мигрантов и принимающей стороны⁴. В редких случаях речь шла о стране исхода, миграционные программы не учитывали ее интересы, рассматривая лишь в качестве исходной точки, в пределах которой формируются «социальные ожидания» и «модели благополучия» будущих мигрантов.

Фактором, влияющим на поток мигрантов, выступала «культурная дистанция» с принимающим обществом, предметом анализа – «ментальное пространство» и его составляющие: «культурное», «психологическое», «лингвистическое» пространство и др.

Страны, которые сознательно принимали мигрантов с целью поддержания социально-экономического развития, реализовывали политику этнокультурной гомогенизации, стремясь сохранить национально-культурные рамки своих государственных систем. Старая Европа поощряла полулегальную иммиграцию, так как была заинтересована в трудовых ресурсах. Государства реализовывали разные стратегии относительно мигрантов (Франция (ассимиляционную), Германия (сегрегационную) и Англия (плюралистическую), однако результат оказался одинаковым: везде образовались параллельные общества в виде стойких обществ иммигрантов, как правило, на национальной основе⁵.

Процесс «принятия» новых членов общества акцентировал внимание на наличии и поддержании социально-культурных границ миграционных сообществ. Изначально группа мигрантов обладает единой социальной и культурной основой (причина миграции), что подчеркивается в процессе легализации пребывания, выдачи проездных документов, способов регистрации и трудоустройства. Такое отношение может носить нейтральную, негативную или позитивную окраску, но в любом случае оно побуждает мигрантов рассматривать себя в качестве «устойчивой группы». Причем эта группа оказывается сформированной вследствие добровольного выбора, основанного на желании реализовать «ожидания»,

«модель благополучия» – отсюда доминирование социально-экономического фактора (снижение фактора принуждения). Реализовывать «ожидания» оказывается легче при использовании групповых механизмов – посредством прав меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и др.) – это объясняет актуализацию этнического фактора. Между государствами и мигрантами вырастает сеть сообществ, которые снижают влияние «культурной дистанции», обеспечивая «мягкую» адаптацию без выраженной ассимиляции. Усложняется структура диаспоры: появляются социальные институты, духовная и идеологическая система. Появляется такая характеристика диаспоры, как транснациональность.

Миграционные процессы перестали быть фактором социально-экономического развития (как в XX в.), они ведут к появлению новых субъектов социально-политического процесса – сообществ мигрантов – диаспор. Мельчайшими частями в обществах все чаще выступают не личности, а меньшинства. Этот факт проявился в формировании известной стратегии «балканизации» Европы или проекте «Европы племен».

Современная Европа с ее концепцией «европейской нации» и скрупулезным вниманием к правам различных меньшинств (конфессиональным, языковым, этническим, сексуальным и др.) создала условия, при которых сообщества мигрантов могут добиваться роста социальных и политических возможностей для себя без отказа от собственных культур, без сложного процесса инкультурации и ассимиляции, а напротив, всецело поддерживая свою отличительность и отчужденность.

Современные социальные сети, которые создают мигранты, берут на себя устройство прибывших, предоставляют работу, делятся опытом «вживания» в среду. Распространенная ранее индивидуальная интеграция в принимающее сообщество заменяется коллективной, в результате складывается новая форма расселения и соотношения активных социальных сообществ и новая форма расселения народов. Для мигранта появляется возможность интеграции в общество через общину-диаспору, избежав тяготы индивидуальной интеграции – «Единство против бесправия».

Среди сетевых организаций – объединения активных этнических диаспор: Управление армянскими общинами Европы; Арабско-Европейская Лига; Европейский еврейский конгресс; Ассоциация Русскоязычных Общин; Европейский конгресс украинцев; Европейская ассоциация украинцев; Украинский государственный фронт стран Бенилюкса; Конгресс новой белорусской диаспоры Европы и США; Европейский союз польских объединений; Исламский совет Европы; Исламский европейский клуб; Ассоциация этнических китайцев и китайских иммигрантов и др.

В корне меняется отношение к миграции как со стороны государства исходя так и принимающего государства. Во-первых, государства прагматически рассматривают получение своими подданными чужого гражданства – как способ улучшения экономических и профессиональных возможностей и не связывают его с вопросом об изменении их лояльности к власти. Некоторые страны, рассматривающие свои диаспоры как часть нации, относятся к их членам как к обычным гражданам, независимо от статуса в стране проживания. Диаспору рассматривают как ресурс (людской, экономической, политической). Появилось понятие «ресурс комплиментарности» (лояльности), носителями которого становятся эмигрантские сообщества. Так, в целях привлечения ресурсов диаспоры работает Министерство Диаспоры Республики Армении⁶. Украина заявила, что диаспора – это фактор национального присутствия.

Во-вторых, большинство европейских государств находятся на этапе «смягчения» законодательства, которое предполагало политику контролируемой адаптации: требование от мигрантов знаний о принимающей стране, профессиональной компетентности и принятие базовых европейских ценностей. Эта политика предполагала наказание за неисполнение предписанных норм: депортацию, штрафы, сокращение социальных пособий. Политика «переплавки» мигрантов в определенной мере была выгодна и мигрантам, которые стремились быстро приобрести новые социальные и культурные роли. Теперь этой потребности нет⁷.

Отличительные черты мигрантских групп не столько в культурной исключительности, сколько в социально-политической изоляции, вызванной объективно низкими социальными возможностями, отсутствием экономической и образовательной базы, правовой неполноценностью по сравнению с гражданами принимающего государства. Отсюда *новые* стремления: создание собственной адаптирующей и социализирующей системы внутри принимающего сообщества; стремление к институционализации в социальной структуре принимающего государства; отказ от длительного (многопоколенного) процесса интеграции как способа повышения социального статуса и борьба за признание своих прав посредством европейских норм относительно меньшинств.

Общие социальные возможности и цели обусловили формирование социальных и экономических сетей в сообществах мигрантов. Разнообразие и интенсивность функционирования внутриобщинных структур и сетей (семейных, клановых, земляческих, деловых, криминальных), присутствие формальных и неформальных лидеров становится важнейшим показателем диаспоральности. Видимая часть этой системы – национально-культурные общества и варианты их союзов, конгрессов, ассоциаций, миссий и призывов. Они являются индикатором процесса структурирования и интеграции мигрантов в принимающее общество в качестве группы. (Не адаптация, а сегрегация. Если раньше под процессом адаптации понималось «вхождение в культуру принимающего государства» то теперь – «включенность в диаспоральную сеть»). Они же являются критерием создания диаспор (способность к сохранению и трансляции этнокультуры).

Природа диаспоры объясняет ее индиферентность к любым национальным идеям. Ее основная стратегия – *трансформность* – способность быстро и безболезненно приспосабливаться к изменяющимся условиям социально-политической среды. Это объясняет стремление диаспоры к максимальной институционализации как в среде принимающего государства, так и в стране исхода. Закрепляясь в местном политическом и экономическом пространстве, сообщества мигрантов агрессивно отторгают любые попытки вмешательства в их внутренние дела (право на собственный правовой порядок, сохранение норм и ценностей этнической культуры, внешних атрибутов культуры и др.), ссылаясь на европейские ценности и правовые нормы. А способность к использованию диаспоральной стратегии (социально-культурной маргинальности) наделяет такие сообщества повышенной способностью к адаптации и трансляции собственной культуры.

Диаспора предполагает длительное существование (межпоколенное) и наличие общей социально-культурной стратегии развития с безусловным позитивным самовосприятием, поэтому современные сообщества мигрантов процесс адаптации в «чужой» социально-культурной системе рассматривают как «социальный синтез», при котором неприемлем односторонний процесс интеграции, когда ассимилируются представители только одной системы!

Современные диаспоры используют технологию национальных меньшинств, ведущих борьбу за национальную государственность, – указание на собственное культурное отличие от основной массы населения, дающее право жить по собственным законам, а не по законам «страны пребывания». И хотя создавать государ-

ства они не стремятся, но создать автономные общины со своим судопроизводством, религиозным правом, моралью стало актуальной задачей. Причем структуры наднационального уровня, созданные в Европе, этому способствуют: Европейский центр в защиту потомков меньшинств; Европейское бюро в поддержку редких языков; Федеральный союз европейских меньшинств; Европейский институт народов; Европейский центр по делам меньшинств; Международная группа по правам меньшинств; Международная хельсинская федерация в защиту прав человека; Совет коммун и регионов Европы; Ассамблея европейских регионов; Комитет регионов, обладающий правом политической инициативы; Федералистский союз европейских национальных меньшинств, работающий согласованно с Ассамблеей европейских приграничных регионов; Европейский исламский совет; Политическая группа «Демократическая партия народов Европы – Европейский свободный альянс».

Надгосударственный уровень власти – уровень транснациональных концернов и влиятельных международных организаций способствует дееспособности миграционных сообществ, превращая меньшинства в самостоятельных игроков на международной арене. Крупные транснациональные диаспоры располагают значительными финансовыми ресурсами (Армянская и Китайская – до 75 % инвестиций в страну).

Транснациональность – качественно новая черта для диаспоры. Члены диаспоры объединены не только памятью об общей Родине, а общими социально-экономическими проблемами, как порождение миграционной мотивации. Трансформность выражается в том, что члены диаспорных групп, естественно, обладают природой двойственной лояльности (выражается в двойном гражданстве или стремлении его получить), свободой в пересечении границ, склонностью к политическому лоббизму.

Современные диаспоры утрачивают обязательную ссылку на локальность, при этом стремление сохранить отличительность остается – в виде «человека мира, но с исключительными правами». Так, диаспоры не обладают политическими границами, но имеют сферы влияния. Эти исключительные права находят в механизмах защиты групп меньшинств!

Иммигранты третьего поколения, имеющие достаточную численность и социальную сеть, составляют основу «новых меньшинств» Европы. Их задача – получение статуса меньшинства и соответствующих прав.

Выгодами статуса «меньшинства» стремятся воспользоваться и «исторические» меньшинства. В половине государств Евросоюза региональные власти обладают законодательными полномочиями и работают как «партнеры» ЕС. Отсюда апелляция к правам меньшинства и требование участия во власти: 1) создание «своих» политических движений и партий; 2) требование представительства в выборных органах власти. Квотирование (законодательные квоты для представителей национальных меньшинств в парламенте предусмотрены законодательством 52 стран; законодательные квоты (от 1 до 10 мест) для представителей национальных меньшинств в нижней палате Парламента предусмотрены в 35 странах мира); 3) закрепление «позитивной дискриминации»; 4) изменение стратегии развития Европы – влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

Мигранты требуют от «новой Родины» условий для сохранения и развития своих культур: открытие национальных школ, право носить национальную одежду, соблюдение религиозного этикета и т.п. Сегодня в Германии, Франции, Великобритании стабильно растут мусульманские общества. В Германии объединения мусульман создали Координационный совет мусульман Германии. Новая структура занимается введением изучения ислама в школах, представляет интересы мусульман перед федеральным правительством. Кроме того, Германия, Франция,

Великобритания, Швеция, Дания, Бельгия решают проблему интеграции ислама в систему государственного управления и конституционного права. Обсуждаются вопросы о признании ислама официальной религией, вопросы о предоставлении квот для этнических политических партий, идущих в парламент. В Великобритании Мусульманский суфийский совет считается официальным партнером правительства. В парламенты Великобритании, Франции, Германии, Дании, Голландии – избраны представители исламских организаций. Исламские организации в Италии, Болгарии, Швеции стали составляющей социокультурного развития.

Государство стало рассматривать диаспору как объект управления, а отсюда и новое ее понимание, как организации с иерархическим членством, коллективной ответственностью, отсюда и «этнизация» экономики, политики и социальной сферы. Объективно мигранты, консолидируемые сразу несколькими сильными факторами (социально-статусными проблемами, правовыми возможностями, культурными приоритетами и т.д.), оказываются значительно более способными к мобилизации, борьбе за права, чем другие социальные группы. Этот факт объясняет почему диаспоры и меньшинства стали удобным полем для политического менеджмента. Новое публичное пространство дает возможность выступать от имени этнической группы.

Эволюция миграционных стратегий европейских государств прошла от изоляции и отгораживания от мигрантов и принижения их культур через стратегии адаптации, ассимиляции, воспитания терпимости и толерантности, когда в качестве первоочередных поднимались проблемы коммуникации и налаживания межкультурного диалога, сохранения позитивного эмоционального состояния в обеих группах, сохранения психического здоровья, приобретения / сохранения социального статуса для граждан страны и прибывших мигрантов. Сегодня речь идет о «мультикультурности» – стратегии, в которой сообщества мигрантов становятся партнерами в управлении трансформирующейся системы. Последняя ярко переживает процесс слияния разнокультурных «моделей благополучия», универсализация которых должна привести к формированию и единой системе ценностей, системе социальных ожиданий.

Современная миграция, которая является отражением жизненной стратегии «новых меньшинств», приобретает черты колонизационного процесса – захвата территорий, ресурсов, насаждения элементов собственных социально-культурных предпочтений, политико-правовых приоритетов.

1. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л.: ЛГУ, 1989. – 495 с.; *Гиренко Н. М.* Социология племени. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. – 303 с.; *Еремеев Д. Е.* Роль кочевников в этнических процессах // Вестник МГУ – Сер.: Востоковедение. – 1980. – № 2. – С. 32 - 44. 2. *Баландье Ж.* Политическая антропология. – М., 2001. – С. 101; *Потестерность:* генезис эволюции. – СПб., 1997. – С. 22, 98 – 100. 3. *Тишков В.* Социально-политический и культурный смысл антимиграционизма // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 179 – 180 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit01.php> 4. *Stouffer S. A.* Communism, Conformity and Civil Liberties. Doubleday & Company Inc., Garden City. – New York, 1955. 5. *Цапенко И. П.* От иммиграционного контроля к управлению миграционными процессами // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 10. – С. 23-33. 6. *Министерство Диаспоры Республики Армении* [Электронный режим]. – Режим доступа: <http://www.mindiaspora.am/ru/Activities> 7. *Стрельцова Я.* О проблеме «национальной идентичности» во Франции // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 7. – С. 23-32; *Салего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 50-58.